

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

Александр I

<Фрагменты>

<...> К исходу XVIII в. только сложилась Европейская Россия в своих «естественных» границах от моря и до моря. Закончена вековая борьба за господство на восточном побережье Балтийского моря (присоединение его северного, Финляндского, края, выполненное Александром I, имело лишь второстепенное значение упрочения и обороны этого господства); закончена была борьба и за Черноморье, оставив в наследие преемникам Екатерины II «вопрос о проливах»; разделы Польши закончили вековую борьбу за Поднепровье, географическую базу всего господства над Восточно-Европейской равниной, хотя и с отступлением от петровского завета русскому императору — сохранить всю Польшу опорой общеевропейского влияния России. Основные вопросы русской внешней политики были исчерпаны в их вековой, традиционной постановке, связанной со стихийным, географически обусловленным стремлением русского племени и русской государственности заполнить своим господством великую Восточно-Европейскую равнину, овладеть ее колонизационными и торговыми путями для прочного положения в системе международных, мировых отношений Запада и Востока.

Территория Европейской России стала государственной территорией Российской империи. Обширность пространства, значительное разнообразие областных условий, экономического быта и расселения, племенных типов и культурных уровней — сильно усложняли задачу организации управления. Захват территории был только первым шагом к утверждению на ней устойчивой и организованной народнохозяйственной и гражданской жизни. Само распределение по ней населения было еще в полном ходу. Переселенческое движение — столь характерное явление в быту русских народных масс — развертывалось не только в первой четверти, но и в течение большей

части XIX в. преимущественно в пределах Европейской России. На юг, в Новороссию, на юго-восток, к Прикавказью и Нижнему Поволжью, отливают с севера и запада все новые элементы. «Новопоселенные» в этих областях «сходцы» и «выходцы» составляют значительный, даже преобладающий процент местного населения. И на новых местах они оседают не сразу, а ищут, в ряде повторных переходов, лучших условий хозяйственного обеспечения и бытового положения. Эта неизбежная подвижность населения стоит в резком противоречии со стремлением центральной власти к установлению повсеместно порядков «регулярного государства» на основе закрепощения трудовой массы и стройно организованных губернских учреждений. Русское государство все еще в строительном периоде. Оно строится в новых, расширенных пределах приемами, окрепшими и созревшими в Великороссии, — на основе государственного «крепостного устава». Процесс закрепощения, заверченный для центральных областей первыми двумя ревизиями XVIII в., систематически проводится в малороссийских и белорусских губерниях на основе 4-й и, особенно, 5-й ревизии рядом правительственных указов в развитие и дополнение основного акта — указа 1783 г. о прекращении «своевольных переходов», которыми — по мнению верховной власти — нарушалось «водворяемое ею повсюду благоустройство». Эта борьба государственной власти со всеми более или менее уцелевшими элементами «вольности» в составе населения настойчиво завершалась при Александре I на всей территории империи — в Малороссии, потерявшей характер автономной провинции, в Новороссии и Белоруссии; завершалась торопливо, с назначением краткого — годичного — срока на подачу исков для «отыскания свободы от подданства помещикам», по истечении которого все сельское население закрепощалось по записям в пятой ревизии.

Массовое закрепощение «вольного» люда рассматривалось как водворение «благоустройства», как основа государственного строительства. Объединение обширной территории укреплялось повсеместным насаждением губернской власти, обычной для 36 центральных губерний, усиленной в форме генерал-губернаторов и военных губернаторств для остальных областей (с 1815 г. в России было 12 генерал-губернаторств и военных губернаторств, не считая особого управления столиц, а также военных управлений земли Войска Донского и Кавказа). Углублялась эта административная спайка всех частей имперской территории традиционными для центра социально-экономическими связями помещичьего землевладения и крепостной организации сельского хозяйства. По областям-окраинам растет и крепнет не только местное помещичье землевладение; сильное

развитие получает крупное землевладение дворянства вельможного, столичного — по связям его с властным правительственным центром — и в Малороссии, и особенно в областях, захваченных в эпоху польских разделов из состава бывшей Речи Посполитой. Раздача крупных населенных имений связывает материальные фамильные интересы правящего общественного слоя с завоевательной политикой центральной власти, развивает и питает в его среде воинственный, наступательный патриотизм, а затем тенденцию к безусловному подчинению присоединенных областей, с устранением их местных «привилегий», общему для всего государства шаблону не только управления, но и землевладельческих, социально-экономических отношений.

Российскую империю строила дворянская, крепостническая Россия. Но развитие внутренних сил страны требовало уже иных, более сложных приемов, не укладывавшихся в тяжкие традиционные рамки крепостного хозяйства и «крепостного устава». Закрепление за империей черноморского Юга принесло решительное углубление и усиление тяги России к торговым связям с общеевропейским, мировым рынком. Конечно, подавляющее значение Балтийского моря в русской внешней торговле остается в силе в течение всей первой половины XIX в. Но русская экономическая политика прибегает со времен Екатерины II, с первых моментов утверждения России в Черноморье, к ряду мер покровительства для развития южного, черноморского торга. Сама колонизация края и систематическое его огосударствование, уничтожение Запорожской Сечи¹, подчинение донского казачества военной администрации как иррегулярной боевой силы, упразднение всяческой «вольности» на южных пространствах империи — связаны не только с организацией разработки местных почвенных богатств в привычных формах крепостного хозяйства, но не менее — с насаждением в новоустроаемом крае гражданского порядка и казенного благоустройства как основы для южных торговых путей и черноморской заграничной торговли. Императорская Россия, еще Петром возведенная в ранг первой европейской державы, усиленно стремится сохранить, утвердить и развернуть это свое международное значение, закрепляя его политические формы своей внешней политикой и расширяя его хозяйственную базу своей политикой экономической. Внутреннее развитие страны тесно связано с этими ее внешними отношениями. Возможно большее их расширение и углубление — неизбежный путь к росту ее производительных сил, ее материальной и духовной культуры, в частности — расширение торгового обмена. «Отпуск собственных произведений, — говорил первый министр вновь учрежденного в 1802 г. Министерства

коммерции граф Н. П. Румянцев, — оживотворяет труд народный и умножает государственные силы». Открыть возможно шире для внешней торговли Южный морской путь представлялось делом крайне заманчивым, особенно при тягостном для нее испытании в Континентальной блокаде (1807–1811), когда и фактически несколько оживилось движение товаров через южные порты и сложились планы о порто-франко для Одессы, Феодосии, Таганрога. С мыслью об этих южных портах связывались планы об усилении хлебного экспорта, который занимал весьма незначительное место в тогдашней русской торговле, и даже об активной роли России в торговом обмене между Европой и азиатским Востоком. Весьма было Министерство торговли озабочено также усилением торгового обмена по сибирским путям с Китаем, созданием транзитной торговли со Средней Азией и далее через нее с далекой Индией.

Невелики были результаты всех этих опытов, порывов и проектов, по крайней мере для относительного веса России в мировом обороте; 3,7 процента — в начале XIX в., 3,6 — в его середине: таковы цифры русской доли в этом обороте, по известным исчислениям Гулишамбарова. Сравнительно незначительным был и рост русского вывоза за 25 лет александровского царствования (с 75 на 85 млн руб. золотом примерно. Цифры в ассигнациях — с 63 на 207 млн, приводимые Н. Н. Фирсовым в его очерке «Зарождение капитализма и первый приступ к революции в России в первой четверти XIX в.», — зависят от падения курса и потому непоказательны). Русский торговый капитал и русская предприимчивость, им обусловленная, были слишком слабосильны для такого размаха. Внешняя торговля остается преимущественно пассивной. Не имея своего торгового флота, сколько-нибудь стоящего такого названия, Россия не только на Балтийском море была по части транспорта в руках иностранцев, преимущественно англичан, но и на Черном обходилась греческими и турецкими судами, хотя бы часть их плавала под русским флагом. Ведь даже в Азии русская торговля была почти целиком в руках армянских, бухарских, персидских купцов.

Конечно, сугубо отражалось на русской торговле почти монопольное вообще господство Англии в мировом обороте. Единственная — в первой четверти XIX в. — страна крупного машинного производства, Англия снабжала все страны своими изделиями. Для этой промышленности ей нужен был обширный ввоз различного сырья. А сырьем ее снабжала в значительных размерах, наравне с британскими колониями, Россия. Она же, также наравне с колониями, являлась значительным рынком сбыта произведений английской промышленности. В таком обмене Англия даже не теряла, если

торговый баланс оказывался в пользу России: этим только увеличивалась покупательная сила контрагента. По всему складу русского социально-экономического быта этим контрагентом Англии было преимущественно русское крупное землевладение. Дворяне-помещики сбывали за границу продукты своего хозяйства, а из Англии получали сукно и тонкое полотно, мебель и посуду, украшения быта и писчебумажные принадлежности, всю обстановку барской жизни. Зарождавшаяся русская фабрично-заводская промышленность работала английскими машинами, а свои полуфабрикаты сбывали опять-таки в Англию, вывозившую, например, много русского железа, чтобы сбывать на русском же рынке свои законченные изделия. Англomanия, широко распространенная в высших слоях русского общества начала XIX в., имела значительную материальную основу — экономическую и бытовую — в интересах, вкусах и привычках русского дворянства. Подобно тому как в начале XVIII в. Голландия служила образцом — почти воплощенным идеалом — страны с высоким уровнем народного богатства, техники и экономики, общественной и духовной культуры, так, и в еще большей мере, Англия стала, к исходу XVIII в., обетованным краем высокой культуры и политического благоустройства для наиболее влиятельных, крупноземлевладельческих групп русского дворянства. В той же среде весьма были популярны политические идеи Монтескье, сквозь призму которых наши англomanы обычно смотрели и на английские учреждения. В применении новых политических представлений к русской деятельности большую роль играло различие, согласно Монтескье, между деспотизмом и монархией: задачей желаемого преобразования русского государственного порядка ставилось устранение «самовластия» и утверждение начал «истинной монархии», что означало, в их понимании, устранение личного произвола с подчинением действий верховной власти основным действующим законам империи (в том числе Жалованной грамоте дворянству 1785 г., которой его привилегии были утверждены «на вечные времена и непоколебимо») под активным контролем Правительствующего Сената, полномочия которого должны быть также оформлены «основным» законом, а политическое влияние усилено не только несменяемостью сенаторов, но и их избранием из состава «знатного сословия», не столько вообще дворянства, сколько его вельможных слоев — правящих групп высшей дворянской бюрократии. Этот своеобразный, весьма умеренный, конституционализм российских ториев был по заданиям своим глубоко консервативен, имел целью закрепить в формах политической организации и «основного» законодательства достигнутое в XVIII в. преобладание дворянства над государственной властью и вводил

в свою идеологию элемент некоторого формального ограничения самодержавной власти, отнюдь не пытаясь ослабить по существу эту свою опору, пока она послушно обслуживает данные классовые интересы; он был европеизированным на английский манер и с помощью французской теории о дворянстве как основе «истинной монархии», о парламентах как контрольном аппарате закономерности в деле государственного управления (тут их роль переносилась на Сенат), плодом традиций XVIII в., подобно тому как в начале века те же притязания искали опоры в усвоении форм шведской аристократической конституции.

Однако нарастающее усложнение жизни обширной страны повело значительно дальше брожение новых политических идей в русской правящей среде. Чем напряженнее работала правительственная машина страны, вовлеченной в расширенный экономический и политический оборот Европы, чем сложнее становились задачи управления, государственного хозяйства и экономически разросшейся империи, тем острее становились коренные противоречия между все нараставшими потребностями обширного государства и созревающим в его недрах вековым строем самодержавной власти и крепостного хозяйства. Несоответствие этим потребностям уровня материальных и культурных средств — эта неизбежная, поистине трагическая черта всей русской исторической жизни — рано выдвинула тройственный лозунг новой политики, новых исканий: торговлю, промышленность, просвещение. Бесплодные по существу попытки Петра I и Екатерины II «создать» на Руси сильную и активную городскую буржуазию, организовать из русских посадских настоящих класс «третьего чину людей» беспощадно разбивались о крепостной уклад русского народного хозяйства; медленно нарастал сколько-нибудь значительный торговый капитал на основе помещичьей и крестьянской торговли; более крупные коммерческие предприятия, ориентированные на заграничный сбыт, искали опоры в крупных землевладельцах, если не были прямо ими организованы, требовали казенной поддержки в виде монополий и разных привилегий и попадали в зависимость от иностранного купечества. «Оживотворение труда народного» внешней торговлей, о котором толковал министр коммерции, сказывалось постепенным перерождением крепостного хозяйства в предприятие, работающее на рынок, деятельным участием помещиков и их оброчных крестьян («крестьян-капиталистов», как означали их в некоторых барских конторах) в развитии торговли и промышленности. Внешняя торговля ставила русской промышленности ее наиболее устойчивые задачи, ограничивая ее рост непосильностью конкуренции с иностранным ввозом, несмотря на покровительственную политику прави-

тельства. Русская промышленность росла и крепла, с трудом пуская корни в крепостнической народнохозяйственной почве, сохраняя зависимость от государственного и помещичьего хозяйств, которые и поддерживали и тормозили ее самостоятельное развитие. В такой социально-экономической обстановке туго приходилось и государственным финансам; общая доходность народного хозяйства непрерывно отставала от роста их запросов; фискальный мотив определял в первую очередь экономическую политику власти, искавшую расширенной и более выносливой базы для государственного хозяйства, чем крепостническая сельскохозяйственная экономика страны. Подъем материальных и культурных ее средств до уровня западноевропейских стран стал заветной руководящей мыслью правительственной власти, проникшейся идеалом «просвещенного абсолютизма» и сознававшей себя передовой, творческой силой в отсталой и косной общественной среде. Преобразовать эту среду в «новую породу людей», пробудить ее силы разумным просвещением — казалось делом возможным и насущным; но и в этой сфере проектов и опытов создания системы всенародного образования «от азбуки до университета включительно», как писала императрица Екатерина одному из своих заграничных корреспондентов, на первых же шагах пробуждалось сознание, что подобные затеи утопичны без коренной перестройки всего социального фундамента империи.

Богатые возможности роста производительных сил, разработка природных богатств страны, лежащих втуне, развитие трудовой и творческой энергии населения, подавленной порабощенностью масс и косной распущенностью господствующего класса, представлялись благодарной задачей «просвещенного» правительства, вооруженного неограниченной властью для реорганизации сил и средств страны на новых, более рациональных основаниях. Но русские деятели, мечтавшие о такой широкой творческой деятельности правительственной власти, скоро излечились — на примере Екатерины Великой — от наивной веры в «просвещенного» государя-философа, благодетеля человечеству. Мысль таких людей, передовых в правящей среде, пошла по пути конституционных размышлений, близких к идеологии консерваторов-англоманов, но с иным, отчасти, уклоном в понимании реальных задач преобразования. Это — люди более молодого поколения, сверстники Александра, из среды которых составилась и первый кружок его советников — знаменитый «негласный комитет» первых лет его правления.

«Класс, который в России должен всего более привлекать внимание, — пишет П. А. Строгонов по поводу обсуждаемых в этом комитете преобразований, — крестьяне; этот многочисленный класс состоит

из людей, которые в большей части одарены значительным разумом и предприимчивым духом, но, связанные лишением прав свободы и собственности, осуждены на прозябание и не дают на пользу общества того вклада их труда, на какой каждый из них был бы способен; они лишены прочного положения, лишены собственности». Так преобразовательная мысль, в поисках выхода из тягостного бессилия русских противоречий, неизбежно наталкивалась на отрицание основ данного социального строя, на требование свободы труда и собственности — перехода к буржуазному порядку, торжествовавшему свои победы в Западной Европе. Столь же неизбежно наталкивалась она и на отрицание самодержавия, на требование перехода к конституционному строю. Тот же Строгонов в той же записке так рассуждает о конституции: «Конституция определяет признание законом прав нации и формы, в которых она их осуществляет; чтобы, далее, обеспечить прочность этих прав, должна существовать гарантия, что сторонняя власть не сможет воспрепятствовать действию этих прав; если такой гарантии не существует, утрачена будет цель этих прав, которая в том, чтобы препятствовать принятию какой-либо правительственной меры в противность подлинному народному интересу». Старшему поколению так называемые «молодые друзья» Александра казались слишком смелыми, так как шли, по-видимому, дальше их в вопросах социальной реформы и ограничения самодержавия. Но только — по-видимому. И Строгонов основой русской «конституции» признает установление сословных прав в 2 хартиях — жалованных грамотах дворянству и городам, а сводит конституцию к охране приобретенных сословных прав установлением определенного и неизменного порядка издания законов, который устранил бы всякую возможность произвола. Конечно, его мысль шире и идет дальше — к определению и установлению сословных прав крестьянства, на помянутых началах свободы и собственности, однако с безнадежной осторожностью, так как задача состоит, по его мнению, в том, чтобы достигнуть этой цели «без потрясения, а без этого условия лучше ничего не делать»; и поясняет: «Необходимо щадить владельцев, довести их до цели рядом распоряжений, которые, не раздражая их, произвели бы улучшение в положении крестьянства и довели бы его с незаметной постепенностью до намеченного результата». Такая безнадежная связанность правящей среды с интересами господствующего сословия делала ее беспомощной перед задачей сколько-нибудь широких преобразований. Интересы, с возможно широким удовлетворением которых были по существу связаны весьма реальные потребности государственной жизни, — интересы торговли, промышленности и просвещения, — имели лишь весьма ограниченную и притом

искаженную в условиях крепостного строя общественную опору. Получался неисходный «ложный круг»; задачи, представлявшие очередными и насущными, требовали перестройки социальной основы всего государственного здания, а разрешимы были только на обновленной, переродившейся в существенных интересах своих общественной почве. Обычный парадокс критических периодов исторической жизни.

В такие моменты особым кредитом пользуется иллюзия всемогущества государственной власти. Недаром Карамзин писал императору Александру в известной своей анонимной записке: «Народы всегда будут то, чем угодно правительству, чтоб они были»; топорно и упрощенно он выразил мысль XVIII в. — идею «просвещенного» абсолютизма. Век «великих преобразователей», активной экономической и просветительской политики, обслуживавшей подъем буржуазных сил и буржуазных форм общественных отношений, повсюду ставил монархическую власть в противоречие с традициями безусловного классового господства дворянства, но нигде не довел этих противоречий до полного разрыва с прошлым, до полного преобразования всего строя без революционной встряски. Покровительством развитию торговли и промышленности правительственная власть вскармливала в недрах старого режима новые общественные силы, вводила в круг своих мероприятий элементы крестьянской реформы, содействуя процессу приспособления помещичьего землевладения к новым условиям торгового обмена и производства, ускоряя этот процесс под давлением государственных интересов, требовавших новой социально-экономической базы для своего обеспечения. В России эти внутренние противоречия старого режима были вскрыты для правящей среды в Екатерининскую эпоху. Сознательная продолжательница дел Петра Великого, Екатерина капитулировала в своей политике перед дворянским засильем. Сын ее не хотел быть «дворянским царем». Неумело и суетливо пытался он, в порывах нервного личного деспотизма, пробить брешь в крепости дворянских привилегий, свод которых дворяне зачисляли в состав «основных» законов империи, пробовал властно вмешаться в отношения помещиков к крестьянам, всех сравнять в одинаковой бесправии перед своей самодержавной властью, по формуле: «У меня велик только тот, с кем я говорю и пока с ним говорю». Этот «принцип» (а это был принцип) нашел яркое выражение в уродливых и жестоких формах гатчинской воинской дисциплины, которую Павел пытался распространить и на двор свой, и на весь быт Петербурга, и, по возможности, на всю свою империю. Его планы государственного преобразования проникнуты крайней напряженностью державного своевластия, не связанного обязатель-

ными формальностями и действующего через рабски послушных доверенных лиц, по своей царской милости и царской справедливости, по личному усмотрению венценосца. От подчиненных властей Павел требует строгого исполнения законов, но сведенных к «высочайшим повелениям» и зависимым от перебоев личного настроения властителя. Милитаризируя и придворный быт, и все управление, Павел в новой форме воскрешал стародавнее, средневековое, личное, вотчинное властвование; оно лишь обострено слиянием с военным командованием по прусскому образцу. Недаром Павел в конце концов увлекся Наполеоном, с которым готов был разделить власть над Европой: ему Наполеон был понятен, как правитель, утверждавший, что «править надо в ботфортах». Многое в личности и действиях Павла может быть предметом индивидуальной патологии. Но общее содержание его правительственной деятельности ярко отразило парадоксальность положения русской императорской власти к исходу XVIII в. Попытка выйти из положения, при котором «дворянство через правительство управляло страной», расшатывала социальные корни самодержавия, не давая ему другой общественной опоры. Увлечение его своим самодовлеющим значением обострено и омрачено свежей памятью о ряде дворцовых переворотов, когда престол стал игрушкой гвардейских сил дворянства. Для Павла «основные» законы империи сводились к закону о престолонаследии и положению об императорской фамилии. Самодержавие выступило при нем в полном обнажении своей сущности, несовместимой ни принципиально, ни практически с утопией «истинной монархии», примиряющей монархический абсолютизм с кое-какими конституционными гарантиями правового государства.

Дворянский конституционализм на рубеже XVIII–XIX вв. не шел дальше осторожного упорядочения деятельности верховной власти установлением некоторых гарантий законности ее действий. Его предпосылкой было сохранение всей полноты государственного абсолютизма в руках монарха и высших правительственных учреждений, сопричастных делу законодательства и верховного управления. Сперанский метко вскрыл коренное противоречие этой мысли в проекте 1803 г., определив задачу преобразования как сохранение самодержавия, только прикрытого формами, относящимися к иному, т. е. конституционному, порядку. Мотивы, которые вели политическую мысль этих поколений, заработавшую по-новому под влиянием знакомства с западными теориями и западной практикой, к такому уклончивому результату, были различны у разных групп. Острая память о недавно пережитой пугачевщине побуждала к усилению центральной власти и ее полицейско-административных сил как

опоры помещичьего господства и того процесса закрепощения масс по окраинным областям, который был реальной основой всего государственного строительства империи. С другой стороны, брожение преобразовательных идей в правящей среде вызывало в одних группах стремление связать верховную власть «основными» законами дворянского господства, а в других — организовать ее работу, не оставляя ее самостоятельности в деле необходимых преобразований, вне тормозов дворянского консерватизма, но в то же время с гарантией умеренности и постепенности реформ, чтобы избежать «потрясения» и охранить интересы землевладельческого класса. Дальше этих оттенков не шли разногласия в среде влиятельных групп начала XIX в., нашедшие наиболее яркое выражение в борьбе между старшим поколением вельможных сенаторов и «негласным комитетом» молодых друзей — советников Александра I за первые годы его правления. В лице императора Павла державная власть резко противопоставила всем подобным тенденциям утверждение своей «абсолютности» и ищет опоры в безусловной покорности бюрократических органов управления и безгласной, дисциплинированной в суровой муштровке воинской силе.

Павел погиб 11 марта 1801 г. под ударами придворной и гвардейской среды, раздраженной не только его личным самодурством, но и порывистыми проявлениями его власти в делах внутренней и внешней политики, которые грозили серьезной опасностью существенным интересам господствующего класса. На престол вступил молодой император, воспитанный в самой гуще накопившихся противоречий, под перекрестным действием разнородных течений и влияний. Он получил весьма сложное наследство как во внутренних отношениях правящей среды, так и в общем состоянии государственных дел и в международном положении России.

<...>

Первые шаги нового государя были реакцией против ряда проявлений павловского деспотизма, возвещенной манифестом об управлении «по законам и по сердцу Екатерины Великой». Составлен этот манифест одним из деятелей екатерининской школы, Трощинским, и хорошо выразил, чего ждали от Александра, чем можно было оправдать переворот. В марте, апреле и мае 1801 г. издаются спешно, в первые недели ежедневно, повеления, смысл которых, по выражению современника, «в трех незабвенных словах: отменить, простить, возратить». Официально пояснялось, что распоряжения эти направлены «к восстановлению всего того, что в государстве по сие время противу доброго порядка вкоренилось». 30 марта последовало уч-

реждение «непременного совета» для рассмотрения государственных дел и постановлений; на этот совет возлагались, по смыслу данного ему наказа, пересмотр всех законов и постановлений и выработка проектов необходимых перемен и улучшений. Этим как бы предполагалось, что именно совет станет органом преобразований, намеченных Александром, а наименование его «непременным» указывало на его органическое, определенное учредительным законом участие в подготовке и осуществлении актов государственной власти. Однако совет сразу на деле отнюдь не получил такого значения. Император продолжает принимать личные доклады по отдельным ведомствам, входя в дела и давая свои повеления, а в Совет поступали, по выражению графа А. Р. Воронцова, только такие дела, «коих докладчики сами делать не хотели». В том же направлении разыгралось более громкое дело о «правах Сената». 5 июля 1801 г. Александр потребовал, чтобы он представил «доклад о своих правах и обязанностях». Указ пояснял, что государь смотрит на Сенат как на верховное место правосудия и исполнения законов, а между тем видит, как «права и преимущества» этого учреждения подверглись искажению, что привело «к ослаблению и самой силы закона, всем управлять долженствующего». Исходя из таких предпосылок, Александр заявлял, что надлежит выяснить нарушенные права Сената, устранить все, что было введено в отмену и в ослабление их, для того чтобы утвердить полномочия Сената как «государственный закон», а сам он «силой данной ему от Бога власти потщится подкреплять, сохранять и соделать его навеки непоколебимым». Сенат, который давно превратился в «сборное только место высочайших распоряжений» да решал «маловажные дела», так как все более существенное шло и при Екатерине и тем более при Павле на «высочайшее усмотрение» по докладам генерал-прокурора или через начальников отдельных ведомств, отозвался на призыв Александра обширными притязаниями как в законодательстве, так и в распоряжении бюджетом, и в судебном деле, до окончательного утверждения смертных приговоров. А. Р. Воронцов представил Александру свои пояснения, сводившиеся к тому, что ни «целость» обширного государства, ни «спокойствие и личная безопасность» его граждан не могут быть обеспечены под властью самодержавного государя, а необходимо установление прав Сената», от чего «зависит и будущее устройство России и, быть может, самое доверие, какое должно иметь к управлению». Так люди старой школы XVIII в. мечтали не только вернуть Сенату его значение махового колеса всей системы управления, но и утвердить ее на «незыблемом», «основном» законодательстве и указывали в этом путь к восстановлению правительственного авторитета и доверия к власти,

а также к дальнейшему «устройству» России. Не укрылось от поклонников Сената противоречие между их мыслью и учреждением «непременного совета»; тот же Воронцов пояснял Александру, что Совету не подобает никакая самостоятельная роль; он должен быть только «приватным» совещанием «между государем и теми, коих он своею доверенностью удостаивает», — прежде всего с управляющими отдельными ведомствами, «так, как советы во всех монархических порядочных правлениях устроены бывають». Но если и учреждение совета, и постановка вопроса о правах Сената могли быть поняты высшей вельможной бюрократией как готовность молодого государя отдаться под ее руководство и даже утвердить это руководство на незыблемом основании государственного закона, то она очень скоро разочаровалась в своих надеждах и расчетах. Не развернулось по первому замыслу значение совета, но не были утверждены и «права» Сената. Начатое брошено в полуделе. Организация правительственной работы пошла иным путем.

У Александра с юношеских лет было намечено свое правительство. Помимо старшего поколения екатерининских дельцов, помимо людей времени Павла, вне круга требовательных опекунов — хранителей традиции и тем более кандидатов во временщики из деятелей переворота, Александр призывает давних трех «друзей» — Строгонова, Новосельцева, Чарторыйского — и четвертого — В. П. Кочубея — к ближайшему сотрудничеству с собой. Не в среде влиятельных официальных учреждений, публичных органов власти, а в интимном, негласном комитете будет разрабатываться программа нового царствования. Предполагались серьезные реформы, которые водворят в государстве порядок и законность, преобразуют социальный строй и поднимут просвещение, развяжут силы страны для подъема ее производительных и культурных средств. Но первым правилом всей работы принято, что все намечаемые преобразования должны исходить не от какого-либо учреждения, а лично от императора, и потому необходимо, чтобы не только никто не занимался их подготовкой и обсуждением помимо особого его поручения, но чтобы вся предварительная работа велась вполне секретно, пока готовая мера не будет обнародована в форме императорского указа. Этим преобразователи думали охранить свободу своего творчества, независимость императора от давления окружающей среды, преждевременных кривотолков и оппозиции, преувеличенных ожиданий и скороспелого недовольства; законченные и опубликованные меры обществу придется принять как акты верховной власти, получившие законную силу. «Абсолютная тайна» была особенно необходима, по мнению Строгонова, потому что надо было не только тщательно

обсудить намеченные преобразования по существу, но еще «познать в совершенстве истинное состояние умов и приноровить реформу таким образом, чтобы осуществление ее вызвало всего меньше недовольства». Преобразовательная работа, к которой только собирались приступить, была сразу скована напряженным опасением, как бы не вызвать слишком определенного разлада между правительством и преобразуемой общественностью. Резкие отзывы о дворянской массе, какие читаем в заметках Строгонова по поводу занятий негласного комитета, недоверчивая оглядка на ее вельможные верхи — характерны для всей тогдашней обстановки. Память об 11 марта была еще слишком свежа. И рядом — другая черта, столь же, если не более, существенная: группа сотрудников Александра, которую он, в шутку, называл «комитетом общественного спасения», а сердитые критики бранили «якобинцами», принадлежала к той же среде крупной аристократии и готова была идти только на минимум необходимейших преобразований, и то с большой постепенностью и без малейших «потрясений», признавая, что иначе лучше ничего и не делать. Теоретическое понимание коренных пороков самодержавия и крепостничества теряло силу и значение при разработке мер к преобразованию, потому что его хотели провести без сколько-нибудь заметного разрыва с осуждаемым в принципе строем отношений. Немудрено, что искомый минимум расплывался и улетучивался при обсуждении Александра, воспитанного в двойной школе — просвещенного абсолютизма и военного деспотизма, — манила мечта о роли благодетельного диктатора, а приходилось, с первых же шагов правления, усваивать теорию и практику приспособления всех проектов и мероприятий к интересам и настроениям господствующего общественного класса. Понятно, что в таких условиях единственной реформой, получившей и осуществление и подлинное значение, оказалось преобразование центрального управления с целью усиления центральной власти. Раз эта власть предполагала приступить к широким преобразованиям и не рассчитывала при этом на поддержку широких общественных кругов, она сугубо нуждалась в исполнительных органах, деятельных и приспособленных к проведению в жизнь ее предначертаний. Такими органами и должны были быть министерства, учрежденные указом 8 сентября 1802 г. Этим уравнивалось то перенесение центра тяжести управления из центра в области, которое явилось результатом екатерининской губернской реформы. Завершалась организация бюрократической системы управления с обеспечением для монарха возможности лично и непосредственно руководить всем ходом дел через министров, им назначаемых, перед ним ответственных, с ним непосредственно связанных в порядке личных докладов и повелений.

Учреждение министерств связывалось для негласного комитета прежде всего с задачей организовать активную и сильную центральную власть, способную держать в руках все государственные дела и успешно работать над переустройством порядков управления и всех внутренних отношений. Этим выполнялся план административной реформы, не только намеченный Павлом, но, в значительной мере, проведенный при нем в жизнь, так как уже при нем ведомства «министров», «главных директоров» и т. п. захватили почти все отрасли центральной администрации.

Но, с другой стороны, то же учреждение министерств понималось как первый только шаг к преобразованию управления на новых началах. Предстояло обеспечить планомерное единство всей правительственной работы и утверждение начала «законности» в действиях управляющих властей. Достижение обеих целей связывалось с идеей о верховном учреждении, которое объединяло бы работу всех ведомств своим руководством, вырабатывало бы новые законодательные нормы, систематически пополняя и преобразуя действующее законодательство, и в то же время своим контролем и надзором обеспечивало бы закономерность ведения и разрешения всех дел. Организация этих функций центральной власти, с объединением их в одном учреждении или с разделением их между Сенатом и непременным советом, должна была устранить «самовластие»: устранить или хотя бы «уменьшить зло, которое (как писал Строгонов, повторяя мысль Александра о стране-игрушке в руках безумцев) может произойти от различия в способностях тех, кто стоит во главе государства», а также избавить политику власти от случайных влияний и произвола временщиков. Самодержавие должно было стать «истинной монархией». Однако несомненно, что конституционная подкладка подобного хода мыслей и его коренное внутреннее противоречие, его половинчатость, — были ясны деятелям начала XIX в. Они понимали, что гарантии законности связаны по существу с той или иной степенью обобществления власти. Строгонов указывал на иллюзорность подобного значения бюрократических учреждений, так как оно может подлинно принадлежать только «политической организации и общественному мнению». Сперанский, разрабатывая — по особому поручению и в связи с занятиями негласного комитета в 1803 г. — проект устройства правительственных учреждений, указывал на несовместимость «истинного монархического правления» с сохранением «верховного начала», по которому в лице государя объединяются власти законодательная и исполнительная и распоряжение всеми силами государства, и сводил смысл намечаемых преобразований к такой внешней организации «правления самодержавного», при которой оно будет только «по-

крыто формами, к другому порядку принадлежащими». И с такими суждениями сходились видные представители враждебной негласному комитету группы сановников старшего поколения. Троцинский указывал, что учреждения бюрократические всегда будут орудием самовластного правления, пока не существует «законных установлений для сосредоточения массы народной» и чиновничество не встречает «противуборствия» ни в «сословии зажиточных людей» (т. е. в буржуазии), ни «в классе простолюдинов». Другие представители той же консервативной группы указывали, что только «избранный» Сенат, составленный из представителей общества, сможет быть оплотом «прав политических».

Последовательно продуманная «истинная монархия», отличная от «деспотии», превращалась в монархию конституционную с народным представительством. «Народным»? В крепостнической стране представительство, без коренной социальной реформы, начисто отдало бы власть в руки дворянства. Превращение самодержавной монархии в правовое государство возможно, так выразил эту мысль Сперанский, при условии «государственного закона, определяющего первоначальные права и отношения всех классов государственных между собою», закона, обязательного для правительственной власти, не зависящего от ее усмотрений. О таком провозглашении в день коронации Александра прав русского гражданина рассуждали его советники по его личному настоянию, но и то свели набросанный проект к некоторым гарантиям от судебного и полицейского произвола да к определению порядка публикации новых постановлений о налогах. Ничтожество этого проекта по содержанию сделало его мертворожденным. Все эти споры, суждения, предложения и разногласия были для Александра школой политической мысли, проверкой ранее усвоенных понятий и воззрений. В итоге у него сложилась своя, довольно определенная точка зрения на желательный строй отношений между властью и обществом, своя политическая программа, принципиальные основы которой он пытался отстаивать почти до конца своей жизни и проводить в своей политике, как внутренней — русской, — где дело так и не пошло дальше проектов, так и общеевропейской, в которой она дала более реальные результаты, так же как и в отношении к окраинным областям империи, наиболее «европейским» из его владений. Сложилась своеобразная теория о «законно-свободных» учреждениях как норме политического строя, обеспечивающей условия мирного развития страны и их охраны, как от революционных потрясений, так и от правительственного деспотизма. Коренная утопичность этой теории привела Александра к ряду конфликтов с русской действительностью, до почти полного внутрен-

него разрыва с нею, а в международных отношениях определила его основные стремления, которые завершились полным банкротством, опять-таки на почве расхождения с реальной действительностью; выразилась она и в тех и в других в ряде фантастических проектов, запутывавших Александра в безысходной сети противоречий с самим собой и с окружающими — до полного срыва личной жизнеспособности в последние годы и уединенной от мира кончины в далеком Таганроге.

Утопия — это форма мышления о жизни, ее отношениях и устройстве, которая стремится разрешить или, вернее, «снять» ее противоречия, согласно тем или иным идеальным требованиям, вне условий реальной возможности, без их достаточного учета, даже, обычно, без достаточного их понимания. У Александра были свои «идеальные» требования, и он упорно искал данных для их осуществления силой находившейся в его руках огромной власти. Питомец XVIII в., он пытался разрешить задачу такой полной и окончательной организации государственной жизни, чтобы в ее твердо установленных рамках и формах нашли свое спокойное, равномерное течение мятежные волны все нараставшей борьбы противоречивых стремлений и интересов. Утопическая задача умиротворения внутренней борьбы — в век напряженного раскрытия классовых противоречий в ряде революционных потрясений и борьбы международной — в век нараставшей ломки установившихся государственных граней получила в его сознании решение, неизбежно также утопическое.

Для историка данной эпохи легко вскрываются под действиями Александра, которым он подыскивает и дает идеологическое обоснование, весьма реальные мотивы: во внутренней политике — стремление власти к самосохранению и самоутверждению в ряде компромиссов с господствующими в стране интересами, во внешней — мотивы государственного эгоизма, определяемые экономическими, финансовыми, территориально-политическими интересами данной страны. Но для биографа Александра существенны эти идеологические обоснования и как культурно-историческая черта эпохи, и как прием политики, и, наконец, как проявление изучаемой индивидуальности, типичной для своего времени.

На идеологии Александра ярко отразилось влияние того, что было выше названо пройденными им двумя школами: Екатерины и Павла, Лагарпа и Аракчеева. Обычно недооценивают, даже не замечают того, что в его психике и в его мировоззрении эти два влияния, казалось бы столь противоположные, не только сочетались механически, создавая ряд перебоев в его настроениях, но слились органически, сведенные к некоторой идеологической цельности. А это — черта не только

основная для понимания характера и воззрений Александра, всех перипетий его деятельности и его «противоречий», но и такая, которая не была его индивидуальной особенностью, а характерна для многих деятелей его времени. Дело в том, что в итоге обсуждения преобразовательных проектов негласным комитетом получилась программа, согласно которой не только правительство, но именно личная власть государя должна быть единственной активной силой нововведений, без какого-либо участия общественных элементов, хотя бы уполномоченных самою же верховною властью, или даже высших правительственных учреждений: в их личном составе видели проявление независимой от этой власти дворянской общественности, с которой приходилось считаться, но от давления которой желательно было, по мере сил и возможности, освободиться. Начать работу решили с упорядочения и усиления администрации, подготавливая в то же время законодательную работу, которая установит в стране новые порядки и отношения, а затем только, когда вся эта творческая часть дела будет завершена, придет черед для конституции, под которой разумели систему «основных» законов, охраняющих установленные в действующем законодательстве порядки, права и отношения от их нарушения каким-либо произволом. Эти конституционные законы характерно означали термином законов охранительных, консервативных (*Lois conservatrices*). Конституция, которую надо подготовить путем сравнительного изучения всех существующих на Западе конституций и сводки их принципов, может быть введена — на этом особенно настаивал Александр — только после того, как будет закончена выработка свода законов, их стройного, внутренне цельного кодекса, исчерпывающего правовое определение всех отношений. Конституционный строй, в таком понимании, рассматривался отнюдь не как организация общественных сил для активного и творческого участия в правлении, а как система гарантий существующего порядка от каких-либо потрясений, откуда бы они ни шли — сверху или снизу. Законность — опора и форма общественной дисциплины, опора и авторитету власти, которая и сама откажется от усмотрения, от ломки и нарушения признанного и действующего права, когда закончит свою организующую работу, когда иссякнет надобность в ее самодержавной диктатуре. А в боевое время, пока эта диктатура нужна для многосложной подготовительной работы к грядущему преобразованию, власть должна быть сильной и свободной в своих действиях. Общественная дисциплина, которая когда-нибудь, со временем, будет построена на началах конституционной законности, сводится — пока — к полной покорности велениям власти, по образцу дисциплины военной. В идеале — это должна быть покорность

«не за страх, а за совесть», но такой идеал достижим опять-таки, когда закончится введение новых порядков и общество проникнется их благодетельными началами, т. е. переродится в новую породу людей. До этого еще далеко. Окружающая среда полна настроений и интересов, враждебных преобразованиям, сотрудики то и дело создают только препятствия, людям нечего верить. Из впечатлений юности, из дальнейшего опыта Александр вышел с настроением, которое выражалось иной раз в таких суждениях: «Я не верю никому, — говаривал он, — я верю лишь в то, что все люди — мерзавцы», повторяя сходные мнения Павла.

В письме, предназначавшемся для Джефферсона, президента Северо-Американских Соединенных Штатов, Лагарп писал об Александре в 1802 г., что «в настоящую минуту он серьезно занят устройством механизма свободного правления, преобразовывая администрацию таким образом, чтобы она стала сначала носителем просвещения, а затем вводила понятия гражданской свободы»; так осмыслили «преобразователи» с Александром во главе учреждение министерств. В начале 1803 г. обнародованы «Предварительные правила народного просвещения», подробнее развитые в уставах 1804 г. Введена широкая организация учебного дела, осуществлявшая, с частичными изменениями, образовательный план Екатерины. Россия разделена на 6 учебных округов, в центре учебного дела каждого из них должен стать университет, в связи с ним — общеобразовательные средние школы по губернским городам, а ниже — подготовительные школы, уездные и народные: цельная система единой, общеобразовательной и всесословной школы. Высшие учебные заведения должны были насаждать новые знания и новые идеи, распространяя их вглубь всех слоев населения. Посев для будущего русского просвещения был значителен; но для ближайшего времени — построенная форма лишь медленно стала наполняться некоторым содержанием, а жизнь — претворять ее на свой лад, подчиняя, например, всесословную школу началу сословности, и не столько сама претворялась под действием просвещения, сколько его претворяла на свой лад. Откликнулось правительство на новые интересы также покровительством изданию таких книг — за 1803–1806 гг., — как перевод евангелий экономического и политического либерализма — трудов Адама Смита и Иеремии Бентама, Беккариа и «Конституции Англии» Делольма, классического образца республиканской доблести — Корнелия Тацита и т. п. Александр имел в конце жизни основание сказать, что сам сеял начала тех идей, которые вскормили движение декабристов. Но для него самого первые опыты приступа к деятельности, проникнутые утопической надеждой на быстрый успех, свободный от борьбы

и «потрясений», на «лучший образец революции — произведенной законной властью», стали источником разочарования и раздражения. «Было бы нецелесообразным возбуждать опасения среди привилегированных сословий, пытаюсь создать сейчас что-либо вроде свободного представительного правления», — внушали ему со всех сторон. И даже президент Джефферсон писал ему в 1804 г.: «Разумные принципы, вводимые устойчиво, осуществляющие добро постепенно, в той мере, в какой народ ваш подготовлен для его восприятия и удержания, неминуемо поведут и его, и вас самих далеко по пути исправления его положения в течение вашей жизни».

Теоретическая самонадеянность утописта-идеолога и самочувствие самодержавного государя одинаково страдали в Александре от такой постепенности. Неограниченная власть, проникнутая притом «лучшими» намерениями, растерянно останавливалась перед собственным бессилием. «Я не имею иллюзий, — писал Александр Джефферсону, — относительно размеров препятствий, стоящих на пути к восстановлению порядка вещей, согласного с общим благом всех цивилизованных наций и солидно гарантированного против усилий честолюбия и жадности».

Стиль мысли и речи тех времен заставлял представлять столкновение идей реформатора с противодействием среды в виде борьбы его «добродетели» с «усилиями честолюбия и жадности», мечтать о преодолении такого противодействия силою власти. На деле неодолимая оппозиция была сильна не только сплоченностью враждебных преобразованию интересов, но и тем, что интересы эти имели еще крепкую объективную основу в русской действительности. Так, защитники крепостного права указывали на значение помещичьего хозяйства в экономике страны, на крупную роль землевладельцев в колонизации слабо населенных областей и т. п., на помещичью власть как на необходимую опору в управлении страной и массой населения, как на социальную основу имперского самодержавия. Перед Александром стояла цельная система социально-политических отношений, в корень противоречащая его принципам, а ее основу ему пришлось признать с утверждением Жалованной грамоты дворянству и восстановлением ее после павловских нарушений. Он заявлял в своем негласном комитете, что сделал это нехотя, что ему претит снабжение привилегиями целого класса, что он еще мог бы признать связь привилегий с выполнением службы государству, но не распространение их на тех, кто ведет «праздную» помещичью жизнь. В ту пору Александр еще не выходит из круга политических идей екатерининского «Наказа» — бюрократической монархии и приспособления дворянства к бюрократическому режиму как

личного состава гражданских и военных органов власти. Опыт разработки административной реформы в начале царствования не дал ему никакого удовлетворения. Его мысль ищет явно иных путей для выхода из неразрешимых противоречий. Она останавливается с особым вниманием на основном аргументе в пользу самодержавия и его дворянско-крепостнической основы — на единстве обширной империи, управляемой из одного центра. Централизация усилена учреждением министерств; в этом — усиление бюрократической организации, которая должна быть органом независимой, сильной власти. Но вместе с тем окрепло в Александре ощущение зависимости его личной воли от вельможных верхов бюрократии, которые окружают его своими происками и интригами, ведут свою политику, действуют за его спиной. Все чаще вырываются в разных беседах слова: «Я никому не верю», все больше стремится он иметь свои личные способы осведомления и воздействия на ход дел, противопоставляет официальным органам своей власти доверенных людей, которые должны наблюдать за ними, доставлять ему сведения по личному поручению, как бы — приватно, наблюдать друг за другом и действовать по личным его указаниям, вне установленного порядка. Мысль о едином министерстве, о назначении во главу всех ведомств людей одинакового направления, придерживающихся единой общей программы, ему глубоко антипатична. При первом же назначении высших должностных лиц в министерства он противопоставляет министрам из старшего поколения опытных дельцов, их товарищей из среды своего личного окружения; так действует и дальше, стремясь иметь своих личных агентов в разных ведомствах — негласных и полугласных, — как в делах внутренних, особенно в министерстве полиции, так и в делах иностранных, которые ведет — в важнейших вопросах — лично сам через особо командированных с секретными инструкциями лиц помимо своих министерств, помимо своих послов при иностранных дворах. Все чаще, и с большой признательностью, вспоминает он наставления Лагарпа, которого «любит и почитает, как только благодетеля любить и чтить возможно», те наставления, какие получил от него в 1801 г., при вступлении на престол, в ряде писем и записок. А этот республиканец, который сам с 1798 по 1800 г. стоял во главе управления Швейцарской (Гельветической) республики, писал ему так: «Ради народа вашего, государь, сохраните неприкосновенной власть, которой вы облечены и которую хотите использовать только на большее его благо; не дайте себя увлечь тем отвращением, какое вам внушает абсолютная власть; сохраните ее в целости и нераздельно, раз государственный строй вашей страны законно ее вам предоставляет, — до тех пор, когда, по завершении под

вашим руководством преобразований, необходимых для определения ее пределов, вы сможете оставить за собой ту ее долю, какая будет удовлетворять потребности в энергичном правительстве», надо уметь, научал Лагарп, разыгрывать императорскую роль (*faire L'Empereur*), а министров приучить к мысли, что они только его уполномоченные, обязанные доводить до него все сведения о делах — во всей полноте и отчетливости, а он выслушивает внимательно их мнения, но решение примет сам и без них, так что им останется только выполнение. Глубоко запало в душу Александра это представление о личной роли императора, да и образец был перед глазами яркий: Наполеон — император французов.

Однако на опыте он скоро убедился, что это — роль трудная. Бюрократическая машина проявляла огромную, ей свойственную, самодовлеющую силу; бюрократическая среда была насыщена своими интересами, в значительной мере дворянскими — классовыми, а в текущем быту — личными и кружковыми, которые опутывали императора сетью интриг, самого его в них вовлекали и часто налагали на него сложные и напряженные стеснения. Подчинить себе эту среду, вполне господствовать над нею и чувствовать себя от нее свободным и выполнить заветы Лагарпа — было постоянной заботой Александра.

